

УДК 82.01

Орлицкий Ю.Б.¹

«Окровавленная Бельгия»: военные страницы русского Верхарна²

Аннотация. В статье анализируется забытая книга великого бельгийского поэта-символиста Э. Верхарна «Окровавленная Бельгия», появившаяся в русском переводе в 1916 г. и вызвавшая оживленную реакцию поэтов-переводчиков и критиков; дается краткий обзор критических отзывов на книгу, принципиально отличающуюся от французского оригинала 1915 г. Предметом обсуждения становится также диалог В. Брюсова и М. Волошина, в 1910-е гг. активно переводивших поэзию Верхарна и претендовавших на лидерство в его понимании и интерпретации, а также стихотворная техника переводчиков и ее соответствие оригиналу.

Ключевые слова: Э. Верхарн, В. Брюсов, Г. Шенгели, стихотворный перевод, свободный стих.

Yu. B. Orlitskiy

"Bloody Belgium": Wartime Pages of the Russian Verhaeren

Abstract. This article analyzes the forgotten book "Bloody Belgium" by the great Belgian Symbolist poet E. Verhaeren, which appeared in Russian translation in 1916 and provoked a lively response from poet-translators and critics. A brief overview of critical reviews of the book, which differs fundamentally from the 1915 French original, is provided. The discussion also focuses on the dialogue between V. Bryusov and M. Voloshin, who actively translated Verhaeren's poetry in the 1910s and claimed leadership in its understanding and interpretation, as well as the translators' poetic technique and its fidelity to the original.

Keywords: E. Verhaeren, V. Bryusov, G. Shengeli, verse translation, free verse.

В 1916 г. в Москве в переводе Надежды Кончевской выходит книга Эмиля Верхарна «Окровавленная Бельгия»; стихи для книги перевел Максимилиан Волошин [7].

Само по себе появление на русском языке очередного издания сочинений любимого в России великого бельгийского поэта, недавно посетившего нашу страну, сенсацией, разумеется не был: до этого в Санкт-Петербурге, Москве и Казани вышло уже пять сборников его стихотворений, причем в переводе разных авторов: В. Брюсова, Н. Васильева, В. Чернова и Б. Серебрякова. Кроме того, стихи Верхарна регулярно появлялись на страницах русских журналов.

Однако на этот раз перед читателем предстал не певец мирной фламандской жизни, не, говоря словами Брюсова, «национальный певец своего яркого прошлого, своего скромного, но исполненного надежд настоящего и своих гордых мечтаний о лучшем будущем», который «не устает славить свою родину, которую любит безотчетной любовью сына к матери, не устает изображать ее пейзажи, виды ее могучих рек, перегороженных грандиозными плотинами, ее тучных пастбищ, кудрявых лесов,

¹ Орлицкий Юрий Борисович — д-р филол. наук, вед. науч. сотр.; ju_b_orlitski@mail.ru; Москва, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125047, г. Москва, пл. Миусская, д. 6, стр. 6.; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 25-18-00764, <https://rscf.ru/project/25-18-00764/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

сумрачных дюн, и «ее» моря, — рисовать картины ее «городков с коньками» (*les villes à pignons*), типы их незаметных обитателей, особенности народных празднеств (кermesses), прелесть памятников ее старины» [5, с. 411], - а страстный публицист, обличитель германских варваров, вероломно напавших на его родину. То есть, в любом случае совсем другой автор, совершенно пока не знакомый русскому читателю.

И в этом смысле есть безусловный смысл в том, что переводил этого другого автора другой переводчик - Надежда Владимировна Кончевская, до этого известная в России как автор переводов английских и французских историков и правоведов.

На французском языке книга *La Belgique sanglante* вышла в Париже в 1915 г. (напомним, последние годы жизни бельгийский поэт, всегда писавший по-французски, провел по Франции, где и погиб под колесами поезда в 1916 г.).

Ее появление было вызвано, повторюсь, вторжением германских войск в нейтральную Бельгию и зверствами захватчиков над мирным населением, что было в те годы на устах у всей Европы. Названия очерков говорят сами за себя: «Права на независимость», «Преступления», «Бельгия гордая», «На фронте во Фландрии», «Деревни и села Фландрии», «Альберт I, король без страха и упрека»; вторая половина книги посвящена обличению страны-агрессора: «Германия, неподдающаяся цивилизации», «Германия и искусство», «Германская организация», «Азиатская Германия»; причем только один из этих очерков был опубликован в России, причем дважды в разных переводах в 1915 г., до появления «Окровавленной Бельгии»: под названием «Германия и красота» в «Ниве» и как «Германская культура» в «Вестнике иностранной литературы» [См. 20].

Тут можно вспомнить еще одного бельгийского поэта – правда, не такого известного, как Верхарн - Пьера Нотомба (*Nothomb*), выпустившего в том же 1915 г. публицистическую книгу с похожим названием - *La Belgique martyre* («Мученица Бельгия»), переведенную на все европейские языки (кроме русского) – в том числе и на немецкий; варварство завоевателей и героизм народа и здесь оказываются на первом месте.

Но именно парижская книга Верхарна вызвала серьезный и при этом в основном осторожно отрицательный отклик в России. Почти единственное исключение представляет собой позиция Валерия Брюсова, который первым отреагировал на появление книги, опубликовав рецензию в газете «Русские ведомости». Русский поэт сосредоточил свое внимание в основном на причинах появления «Окровавленной Бельгии» и деликатно постарался не давать книге оценки: «Великий раздор в среде европейских народов и страшный лик, обнаруженный Германией, в самом основании потрясли все несколько идиллическое мировоззрение поэта» [2, с. 5].

По сути дела безоценочно упоминает Брюсов книгу очерков Верхарна и в своей объемной статье «Одна из граней творчества Эмиля Верхарна» [3]; здесь критик рассматривает эволюцию творчества бельгийского классика и пытается показать, что появление его антигерманских настроений вызвано не только агрессией немцев против Бельгии, но и общим вектором развития художественного мира Верхарна, закономерно, по мнению русского поэта, двигавшегося от идиллического отношения действительности к трагическому.

При этом Брюсов по сути дела оправдывает публицистику бельгийского поэта, противопоставляя ее его же поэзии: «Книга прозы Верхарна, его пламенные статьи “Окровавленная Бельгия” (изданная и по-русски), не чужда такой ненависти: в ней есть страницы, которые горько бичуют варварство временных победителей, громивших Руанский собор, осквернявших народные святыни, уничтожавших невозстановимые памятники старины и надменно попиравших элементарные права целой нации. В поэзию Верхарна эта ненависть просочилась лишь отдельными, очень редкими стихами: поэмы о войне, собранию которых суждено было стать книгой “посмертной”, достойно венчающей творчество поэта, чье сердце всегда билось в лад с современностью,

посвящены почти исключительно славе родного народа» [3, с. 240].

В целом положительно оценил книгу и М. Волошин, опубликовавший в «Биржевых Ведомостях» заметку о ней под заголовком «Верхарн» (1915. 17 авг.). Заявив, что «Верхарн в поэзии был единственным и неповторимым слиянием латинства и германства, слиянием органическим, целостным, совершенным», он делает вывод – «Тем страшнее и катастрофичнее его личная драма, вызванная войной. Это не только разочарование в культуре, которую он считал высокой, это - родителеборство, бунт против своей крови, ненависть к породившему». И резюмирует: «Среди книг, вызванных войной, “Окровавленная Бельгия” останется одной из самых замечательных: не по мыслям, не по взглядам, не по фактам, в ней изложенным, но как единственное по силе свидетельство о великом расколе европейского духа» [Цит. по: 12, с. 504].

Известно также несколько отзывов на русский перевод книги Верхарна, и они в основном скептические. Так, известный революционный деятель Николай Клестов-Ангарский (1873-1941) опубликовал свою рецензию в журнале «Современный мир» (под псевдонимом Н. К-вь); в ней он замечает: «Автор не скрывает своей ненависти к немцам и Германии, которой он когда-то восхищался. <...> Никогда автору этой книги, говорит Верхарн, не приходилось переживать ни более тяжелого, ни более внезапного разочарования. Это было для него настоящим ударом, который подействовал на него так сильно, что он стал себе самому казаться другим человеком!» [16, с. 165].

И продолжает: «Можно понять крик души поэта при виде страданий „окровавленной Бельгии“, можно понять негодование и ненависть при виде размеренной жестокости и немецкой „системы устрашения“, но когда человек, стоящий на высоте современной культуры, говорит нам, что „немец почти ничего не изобретает сам и лишь разрабатывает“ чужие открытия»; что германской цивилизации не существует, что немецкие ученые не открыли ни одного великого пути и что Лейбниц и Кант „пристроились к царственной дороге Декарта; Геккель не существовал бы, не будь Дарвина; Кох и Беринг опираются на работы Пастёра—это значит почти дословно повторять передовицы желтой прессы» <...> сказать, что Германия лишена духовной силы и что она только „случайно была страной Гете, Бетховена, Гейне"—значит обнаружить поистине младенческую беспомощность в объяснении исторических явлений» [Там же].

Со страниц «Летописи» Клестову вторит другой видный деятель русского социалистического движения, Владимир Александрович Базаров, тоже подробно перечисляющий в своей рецензии несправедливые обвинения поэта против немецкой культуры в целом, сильно задевшие русских читателей, и против якобы стоящего за ее «распадом» пресловутого «еврейского заговора», обличение которого критик называет «диким антисемитическим бредом» [1, с. 352].

При этом Базаров называет очерки Верхарна «страстными, исступленными гимнами любви и ненависти», а их автора – «обезображенными войной развалинами прежнего Верхарна»: «перед нами почти безумец, одержимый маниакальной идеей, слепо-огульный как в своих новых пристрастиях, так и в своей новой вражде» [Там же].

Дальше критик пишет о «духовном омертвлении Верхарна», о «распаде» его «великой души» [Там же], о том, что «благороднейший художник Бельгии проникается пафосом наших нововременцев» [Там же, с. 353] – оценка, надо сказать, практически однозначно отрицательная.

Анонимный рецензент «Русских записок», начиная свой отзыв относительно нейтральными словами «это бесконечно печальная книга», которая «печальна своей правдой, но еще более печальна своей неправдой» [17, с. 319], сетует на всеобщую деградацию морали, а затем, как и другие критики, подробно пересказывает инвективы Верхарна, адресованные Германии и «захватившим» ее семитам. При этом он называет автора книги «омраченным духом поэтом» [Там же, с. 322], а его «скорбь и негодование» – «вполне законными» [Там же, с. 321].

Наконец, поэт и критик Давид Выгодский, рассуждая о последней поэтической книге Верхарна «Алые крылья войны», вслед за Брюсовым сопоставляет ее с его прозаическими очерками, утверждая, что и в поздних стихах Верхарна «есть очень много от той нетерпимости, от того шовинизма, от того внезапного умственного вывиха, который так огорчал всех почитателей бельгийского поэта в его «Окровавленной Бельгии», многие страницы которой так легко понять, так легко объяснить себе, но так трудно простить и так невозможно забыть», а их автора называет «мстительным и злым» [15, с. 316].

Но вернемся к самой русской версии «Окровавленной Бельгии». Как мы видели, все наши критики – кроме Брюсова и Волошина - писали о русском издании книги, которое значительно отличается от французского оригинала, состоявшего из посвящения и 12 страстных очерков, посвященных трагическим страницам вторжения. К московскому изданию Верхарн, незадолго до этого триумфально посетившей Россию, пишет специальное восторженное предисловие, а русские издатели решают изменить саму природу книги, включив в нее три стихотворения (причем в переводе не «монополиста» на переводы бельгийского поэта, Брюсова, а Максимилиана Волошина): это «Окровавленная Бельгия», которое помещено перед первым очерком, «Защитники Льежа», идущее после второго очерка, и «К Бельгии», завершающее книгу. Таким образом, вместо вполне традиционной книги очерков в русском варианте получается изысканная прозиметрическая композиция, безусловно претендующая на статус художественного произведения.

Книгу, как было сказано, открывает «Предисловие автора к русскому изданию», главная мысль которого – противопоставление нашей страны, охарактеризованной поэтом самыми возвышенными, восторженными словами, «Германии, со всей ее окаменелой организацией и с ее исключительно материальными заботами», которая «кажется такой жалкой и убогой, когда взглянешь на нее при великолепном и ослепительном свете России» [7, с. 10]. Как писал упомянутый уже В. Базаров, «Как-то совестно и неловко читать те неумеренные комплименты, которые расточает нам, русским, Верхарн в своем предисловии. Он находит у нас „доверчивую, трепетную искренность“ в отношениях между людьми, „волнующую интенсивность самопожертвования“, „утонченную сложность чувств“, „обаятельно естественную учтивость“» [1, с. 353].

Следом за вступительной статьей идет двухстраничное «Посвящение», в котором поэт в том же велеречивом тоне рассказывает, как изменилась Германия с началом войны. И сразу за этим – отсутствующее во французской книге стихотворение «Окровавленная Бельгия», специально для этого издания переведенное М. Волошиным:

Уж скоро тридцать лет,
Как в радостном и дружном напряженьи
Росло свободное движенье
Все, человеческих побед.
А войны
Казались людям тех годов
Проклятым местом старой бойни,
Сокрытым чащею разросшихся цветов.

Был Запад горд под небом беспечальным
И мыслить, и творить в согласьи музыкальном,
Подобно плавному движению светил.
И каждый день прекраснейшие дали
Раздвигали
Прозренья тех, кто мыслил и учил...

Они поведали всемирно,
Что с человеком человек
Согласовать свободный бег
Отныне может только мирно;
Что право лепит силу так,
Как сок весною ствол вздувает;
Что справедливость побеждает,
Что мысль надежней, чем кулак;
Что правду высшего свершенья
Откроет скоро человек,
Что уж назрел прекрасный век,
Когда враждебные теченья
Должны свой бег соединить [7, с. 17-18].
<...>

Интересно, что за два года до выхода в свет книги военных очерков Верхарна, это стихотворение перевел (совсем, кстати, по-другому, другим типом стиха: не вольным ямбом, а литературным раёшником) и напечатал другой русский автор – причем совершенно иной творческой ориентации - поэт-сатириконец Петр Потемкин:

Тридцать, полных тридцать лет
Цвел любви к людям цвет
В мирном труде
Везде,
И войны
Мечтались людям всех стран
Только покойным
Кладом, зарытым в цветущий курган.
Запад гордился под небом покоя
Гармонией строя,
Подобный аккорду звездных струн,
И тем, что прекрасные мыслью идеи
Всё яснее
Были в словах говорящих трибун.
Они утверждали, что, если бой
И будет между людьми порой,
То будет он мирный — иной!
Так же, как соком древесные жилы,
Правом нальются орудия силы...
Что справедливость — та же рука,
Что мозг и мысль — сильней кулака,
Что к новой жизни всех пробудит
Реальность светлая, и правда будет,
Что дни грядут, когда различных два
Начала соединятся воедино,
Как тока два, два различных естества
В единой искре — рознь тому причина
Сливает в проволоках динамо-машина.
<...>
[6].

Стихотворение очень длинное; за идиллией идеальной европейской жизни между войнами начинается описание коварного поведения «германских народов», готовящих новую войну, а потом и самой этой войны, ее «ужаса, безумия, трагизма» - по сути дела, тут перед нами своего рода конспект будущей прозаической книги.

Характерно, что переводчик, давно и с симпатией следивший за творчеством Верхарна, уже в статье 1907 г. замечает (в отличие от большинства современников, для которых, как мы видели, его изменение было полной неожиданностью):

у Верхарна ужасы мира во всей их стремительности, в их подавляющем величии, в их пророчесственной грозности, в их элегической безвозвратности.

Его вечернее сердце истекает кровью евангельских страстей.

В глубине вечеров он видит вздымающиеся черные катаfalки - гробницы тех, чьи руки были ветвями, простертыми к весне грез.

Умиравший вечер кидает на болота отблеск своего меча и золото своих доспехов!

<...> Ледяные луны восходят в пещерах ночного золота; Пастыри-Иисусы скликают стада; Черные Голгофы подымаются в зареве заката. Он видит вечера, распятые на горизонте, полночи, мощенные тоскою, молящие руки толпы, простирающиеся подобно обезумевшим ветвям, зимнюю ночь, которая подьмет к небу свою чистую чашу. Он галлюцинирует в лесу числ, и труп его разума в одежде цвета пламени и яда медленно волочится по Темзе» [9].

То есть, для Волошина появление гневной и трагической книги «Окровавленная Бельгия» сюрпризом не стало. Об этом он сам писал позднее в статье «Судьба Верхарна» [13, с. 607-610].

К сожалению, оригинал стихотворения «Окровавленная Бельгия» и место его публикации нам обнаружить пока не удалось (впрочем, так же, как до этого – составителю библиографического указателя «Эмиль Верхарн» М. Линдстрем [20, с. 117], хотя комментатор научного издания переводов Волошина П. Заборов указывает на *La Belgique sanglante* (в которой стихов, как мы знаем, не было) [10, с. 932], а составители давнего однотомника Верхарна «Лирика и поэмы» 1935 г. столь же однозначно определяют его в сборник 1916 г. *Les Ailes rouges de la guerre* («Алые крылья войны») [8, с. 759] (в котором нет именно этого стихотворения). Можно предположить, что первоначально оно было опубликовано во французской периодике, где и попало на глаза обоим русским переводчикам.

Интересно, что позднее, переведя целую книжечку стихов Верхарна, Волошин не включил в нее это стихотворение, а по поводу всех своих переводов для московской «Окровавленной Бельгии» написал:

«Только в трех стихотворениях, посвященных войне, мне глубоко чуждых, перевод которых был сделан по поручению, я соблюдал одновременно и рифму, и размер, и точность содержания, то есть делал то, что теоретически отрицаю, но что требуется современным вкусом от переводчика» [10, с. 30].

Печатать же свои переводы из Верхарна Волошин начал еще в 1905 г., так что предложение («поручение») перевести эти три стихотворения было сделано ему не случайно; однако, несмотря на то, что в начале века бельгийского поэта переводило несколько известных русских авторов, главным авторитетом среди них все равно был Брюсов, ревниво следивший за конкурентами – и за Волошиным в том числе. И при случае высказывал претензии к переводам, не удовлетворяющим его субъективным вкусам.

Но и Волошин в своей статье 1907 г. «Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов», отдавая в целом должное переводам русского символиста из его бельгийского собрата, высказывает массу претензий к составленной им книге «Стихи о современности» [14]. Причем начинает свою критику на первый взгляд неожиданно: с виртуозного портрета Верхарна:

Верхарн... Когда его видишь в первый раз, то прежде всего бросается в глаза глубокая морщина, рассекающая его лоб, подобно двум широко распростертым крыльям летящей птицы. Эта

морщина — он сам. В ней его скорбь, его полет.

После замечаешь его глаза — голубые, бледные, иногда стеклянные, прозрачные, как талая вода.

Тонкий, пронизательный нос. Он очень длинен. Но это не придает несоразмерности лицу, только оттенок меланхолии.

Длинный белокурый, висящий ус. Длинные женские руки. Они нежны, сухи и всегда горячи.

В застенчивых и несмелых движениях чувствуется уединенность мечты и нежность сердца.

Портрет Риссельберга, приложенный к книге В. Брюсова, не похож. На нем нет самого характерного: глубокой морщины, подобной распростертым крылам летящей птицы. И во всем лице есть некоторая непропорциональность, вроде того искажения, которое бывает, когда смотришься в выгнутое зеркало: кончик носа слишком мясист, веки слишком тяжелы, лоб и подбородок сужены и уходят назад. Все в отдельности верно и характерно, но в пропорциях есть какая-то ошибка.

Такая же ошибка чувствуется мне и в переводах Валерия Брюсова. И в них Верхарн отразился не в плоском, а в выпуклом зеркале, и настоящее лицо его исказилось, хотя и осталось внешне похожим». [14, с. 153].

Характерно, что в 1919 г., переиздавая свои переводы отдельной книгой, Волошин все-таки включает в нее переводы стихотворений «К Бельгии» и «Защитники Льежа», сделанные для «Окровавленной Бельгии». А в своем «Предварении о переводах» объясняет:

Мои переводы Верхарна сделаны в разные эпохи и с разных точек зрения. В одних, как “Ноябрь”, “Осенний вечер”, “На Север”, я старался передать только инструментовку Верхарнского стиха, в других, касающихся города, я, отбросив рифмы, старался дать стремление его метафор и построение фразы естественно образующей “свободный стих”. [14, с. 29-30].

И продолжает: «Верхарн - поэт неровный и никогда не доводивший воплощения своих замыслов до конца и поэтому много раз возвращавшийся к одной и той же теме, всегда борющийся с формами французской речи, в которых не умещался его сложный и нечеткий германский дух. Это давало мне право более свободно обращаться с его текстом, угадывая его намерения, досказывая по-русски то, что не могло быть выражено по-французски, и опускать в переводе те стихи и строфы, что обременяли поэму. Поэтому мои переводы отнюдь не документ: это мой Верхарн, переведенный на мой язык. Я давал только того Верхарна, которого люблю, и опускал то, что мне чуждо и враждебно. Приняв произведение в свою душу, снова родить его: иным творческий перевод не может быть. Но это не мешает многому в моих переводах быть дословным» [Там же].

Надо сказать, что эстетический критерий выступает главным и при оценке русскими критиками других поздних книг Верхарна, созданных в годы войны, из трех его поэтических сборников этого времени на русский язык было переведено всего несколько стихотворений.

Наиболее известна из них уже упомянутая книга «Алые крылья войны» (*Les Ailes rouges de la guerre*), вышедшая в Париже в 1916 г. В нее вошло знаменитое стихотворение Верхарна *Ceux de Liège* (буквально – «Те, из Льежа»), переведенное Брюсовым как «Герои Льежа» (Биржевые ведомости. 1915, 19 июля), а Волошиным для «Окровавленной Бельгии» - как «Защитники Льежа».

Как писал Волошин об этом сборнике в статье «Судьба Верхарна», в нем «голос поэта срывается и падает, голос гражданина крепнет и покрывает голос поэта» [13, с. 610].

Кроме того, из этой книги было переведено и опубликовано еще 8 стихотворений, причем 4 из них – в начале следующей мировой войны, 1941 г. в журналах «Интернациональная литература» и «Красная новь»; среди них были и архивные переводы В. Брюсова и Г. Шенгели.

Из следующей книги, «Легенды Фландрии и Брабанта» (1916) русскими современниками было переведено только одно стихотворение – «Генерал Леман» (причем тем же Брюсовым), из книги 1917 г. «Поля» - 3 стихотворения, из сборника «Высокие пламена» (*Les Flammes hautes*) – одно (и тоже Брюсовым, в 1923 г.). В связи с

чем снова хочется вспомнить оценку Брюсовым последних сборников бельгийского поэта: «В поэзию Верхарна <...> ненависть просочилась лишь отдельными, очень редкими стихами: поэмы о войне, собранию которых суждено было стать книгой “посмертной”, достойно венчающей творчество поэта, чье сердце всегда билось в лад с современностью, посвящены почти исключительно славе родного народа. В этих поэмах, Верхарн не столько клеймил Германию за ее преступления (таковы лишь некоторые выражения в стихах), сколько преклоняется пред самоотверженным мужеством бельгийских солдат-граждан, запечатлевает подвиги. Льежа, Намюра и других маленьких твердынь, вынесших всю тяжесть первого немецкого натиска, завещает грядущим векам благородный образ короля Альберта I, генерала Лемана, защитников Лансэна и других «вождей» той «страны рабочих, фабрикантов и купцов», которая неожиданно выставила в поле целое поколение героев...» [3, с. 208].

В заключение хочется сказать пару слов о том, как переводили пресловутый «свободный стих» Верхарна в начале XX в., когда представление об этом явлении стиховой культуры еще не сложилось, но который заведомо считался одним из главных достижений Верхарна.

Как известно, [19] Брюсов называл и считал свободным стихом разного рода нерегулярную силлаботонику, в т.ч. рифмованную, например, трехсложники с переменной анакрусой (ТПА). Соответственно в своих «Опытах» (1918) он как пример свободного стиха приводит собственный перевод из Верхарна, написанный рифмованным вольным ТПА:

ДОЖДЬ (Свободный стих Верхарна)

Как длинные нити, нетихнувший дождь	01001001001 ³	Амф4 ⁴
Сквозь серое небо, и полон и тощ,	01001001001	Амф4
Над квадратами луга, над кубами роц	001001001001	Ан4
Струится нетихнувший дождь,	01001001	Амф3
Томительный дождь,	01001	Амф3
Дождь...	1	
Так он льет со вчера,	001001	Ан2
Так он мокрые тянет лоскутья	0010010010	Ан3
С тверди серой и черной;	0010010	Ан2
Терпеливый, упорный,	0010010	Ан2
Так он льет со вчера	001001	Ан2
На перепутья,	00010	Дк2
Необорный	0010	Ан1
<...>		
[4, с. 75].		

Волошин переводил стихи Верхарна, как он сам писал, тремя способами, один из которых, наиболее интересный для нас и абсолютно оригинальный, - вольный белый ямб с умышленным нарушением границ строк:

МИКЕЛЬАНДЖЕЛО

Когда Буонаротти / вошел в Сикстинскую капеллу, 0100010/010100010

³ В метрических схемах строк знаком «1» обозначаются ударные слоги, «0» - безударные.

⁴ Здесь и далее в статье используются общепринятые стиховедческие обозначения силлабо-тонических размеров и типов тонического стиха: Я – ямб, Х – хорей, Дак – дактиль, Амф – амфибрахий, Ан – анапест, Дол – дольник, Так – тактовик, Акц – акцентный стих; цифра после названия метра обозначает размер: например, Х4 – четырехстопный хорей (или в прозе – четыре стопы хоря подряд; Х4/3 – разностопный хорей, в котором нечетные строки четырехстопные, а четные – трехстопные).

Он / насторожился,	1/00010
Как бы прислушиваясь,	0001000
Потом измерил взглядом высоту, -	0101010001
Шагами расстояние / до алтаря,	01000100/0001
Обдумал свет, сочащийся сквозь окна,	01010100010
И то, как надо / взнудать и укротить	01010 /010001
Крылатых и ретивых / коней своей работы . . .	0100010 / 0101010
Затем ушел до вечера в Кампанью.	01010100010
<...>	
[10, с. 63].	

И наконец, третий переводчик – Георгий Шенгели, который в своих многочисленных переводах Верхарна действительно начинает использовать именно верлибр, причем в современном (не брюсовском) понимании – стих, принципиально отказывающийся от рифмы, силлабо-тонического метра, изотонии, изосиллабизма и регулярной строфики [18, с. 323-327]; хотя такого стиха у Верхарна не было, свобода стиха в его понимании – значительно более робкая.

А вот как переводил позднего Верхарна Шенгели:

В ограде нашей любви продолжается лето,
Золотой павлин пересекает аллею;
Головки цветов украшают
— Перлы, смарагды, бирюза —
Однообразную дрему зеленых газонов.
Голубые пруды лучатся,
Покрытые белыми поцелуям.
Снежных кувшинок;
Смородинные кусты образуют кортеж;
Хрустальное насекомое
Впивается в сердце цветка;
Тень под деревьями,
Как яшма, испятнана блеском;
И как легкие шарики,
Тысячи пчел
У серебряных гроздей выются,
Возле беседок.
Воздух столь ясен,
Что отливает, как драгоценные камни;
В глубоких и лучистых полднях
Он волнуется световыми розами;
А вдали обычные дороги,
Лениво бегущие к перламутровым небосклонам,
Как будто восходят к солнцу.

Алмазное платье прекрасного лета
Никогда не одевало столь чистый и светлый сад.
И только единственная радость,
Замкнутая в наших душах,
Постигнет жизнь его
В этих гроздьях огня [8, с. 703].

Как справедливо писал Волошин, «Ритм брюсовского стиха — это хрустально отточенный каданс латинской поэзии, это — алгебраические формулы, в которые ложатся покорные слова. Свободный стих Брюсова построен по тем же алгебраическим формулам, только более усложненным и распространенным; но в них все предугадано, задумано раньше».

Свободный стих Верхарна — это поющее пламя, которое каждую минуту совершенно произвольно и неожиданно меняет свою форму, направление и вьется тысячами тонких змеек» [14, с. 154].

Как мы видим, все русские переводчики поэзии Верхарна пытались услышать и поймать это пламя. А когда оно под влиянием внешних обстоятельств переставало меняться и петь — как в книге «Окровавленная Бельгия» — отворачивались от него.

Литература

1. Базаров В. Верхарн Э. Окровавленная Бельгия // Летопись. 1916. № 3. С. 351-353.
2. Брюсов В. Окровавленная Бельгия // Русские ведомости. 1915. № 154. 5 июля. С. 5.
3. Брюсов В. Одна из граней творчества Эмиля Верхарна // Летопись. 1916. № 12. С. 239-250.
4. Брюсов В. Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам. М.: Геликон, 1918. 200 с.
5. Брюсов В. Данте современности // Брюсов В. Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 6. М.: Худож. лит., 1975. С. 409-416.
6. Верхарн Э. Окровавленная Бельгия. Пер. П. Потемкина // Солнце России. 1914. № 46. С. 6.
7. Верхарн Э. Окровавленная Бельгия. Пер. Н. Кончевской; стихи в пер. М. Волошина. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1916. 148 с.
8. Верхарн Э. Лирика и поэмы. Пер. В. Брюсова, М. Волошина, А. Гатова, Г. Шенгели. М.: Худ. лит-ра, 1935. 760 с.
9. Волошин М. Верхарн // Иллюстрированное приложение к газете «Русь». 1907. № 1.
10. Волошин М. Собрание сочинений. Т. 4. Переводы. М.: Эллис Лак, 2006. 992 с.
11. Волошин М. Верхарн // Волошин М. Собрание сочинений. М.: Эллис Лак. Т. 6. Кн. 1. 2007. С. 150-152.
12. Волошин М. Верхарн. *La Belgique sanglante* // Волошин М. Собрание сочинений. М.: Эллис Лак. Т. 6. Кн. 1. 2007. С. 501-504.
13. Волошин М. Судьба Верхарна // Волошин М. Собрание сочинений. М.: Эллис Лак. Т. 6. Кн. 1. 2007. С. 603-611.
14. Волошин М. Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов // Волошин М. Собрание сочинений. М.: Эллис Лак. Т. 6. Кн. 1. 2007. С. 153-162.
15. Выгодский Д. Лебединая песня Верхарна // Летопись. 1917. № 7/8. С. 316-318.
16. К-въ Н. (Клестов-Ангарский Н). Верхарн Э. Окровавленная Бельгия // Современный мир. 1916. № 2. С. 165-167.
17. Рец. на: Верхарн Э. Окровавленная Бельгия // Русские записки. 1916. № 3. С. 319-322.
18. Орлицкий Ю. Стих и проза в русской литературе. М.: РГГУ, 2002. 685 с.
19. Орлицкий Ю. Свободный стих в теории и практике Валерия Брюсова // Брюсовские чтения 2013 года. Сб. статей. Ереван: Лингва, 2014. С. 178-195.

20. Эмиль Верхарн: Биобиблиогр. указ. Сост. М. В. Линдстрем. М.: Кн. палата, 1988. 206 с.

Reference

1. Bazarov, V. Verkharn È. Okrovavlennaia Bel'giia [Verhaeren, E. Bloodied Belgium]. In: *Letopis'*, 1916, no. 3, pp. 351–353. (In Russian).
2. Bryusov, V. Okrovavlennaia Bel'giia [Bloodied Belgium]. In: *Russkie Vedomosti*. 1915, no. 154, July 5, p. 5. (In Russian).
3. Bryusov, V. Odnà iz graneĭ tvorchestva Èmil'ia Verkharna [One of the Facets of Emile Verhaeren's Work] In: *Letopis'*, 1916, no.12, pp. 239–250. (In Russian).
4. Bryusov, V. Opyty po metrike i ritmike, po evfonii i sozvuchiiam, po strofike i formam [Experiments in Metrics and Rhythm, Euphony and Consonances, Stanzas and Forms]. Moscow: Helikon Publ., 1918, 200 p. (In Russian).
5. Bryusov, V. Dante sovremennosti [Modern Dante]. Collected Works. In 7 vols. V. 6. M.: Khudozh. lit. publ., 1975. pp. 409-416. (In Russian).
6. Verharn E. Okrovavlennaia Bel'giia [Bloodied Belgium]. Trans. by Per. P. Potemkin, In: *Solntse Rossii* [The Sun of Russia], 1914, No. 46, P. 6. (In Russian).
7. Verhaeren E. Okrovavlennaia Bel'giia [Bloodied Belgium]. Trans. by N. Konchevskaya; poems in translation by M. Voloshin. Moscow: A. A. Levenson Publ., 1916, 148 p. (In Russian).
8. Verharn E. Lirika i poëmy [Lyrics and poems]. Trans. by V. Bryusov, M. Voloshin, A. Gatov, G. Shengeli. M.: Khud. Lit-ra Publ., 1935, 760 p.
9. Voloshin M. Verharn. In: *Illustrirovannoe prilozhenie k gazete «Rus'»* [Illustrated supplement to the newspaper “Rus”]. 1907, No. 1. (In Russian).
10. Voloshin, M. *Sobranie sochineniĭ. T. 4. Perevody* [Collected Works, vol. 4. Translations], Moscow, Ellis Lack Publ., 2006. 992 p. (In Russian).
11. Voloshin, M. Verhaeren. In: *Voloshin, M. Sobranie sochineniĭ* [Collected Works]. Moscow, Ellis Lack Publ., Vol. 6, Book 1, 2007, pp. 150-152. (In Russian).
12. Voloshin, M. Verhaeren. *La Belgique sanglante*. In: *Voloshin, M. Collected Works*. Moscow, Ellis Lack Publ., Vol. 6, Book 1, 2007, pp. 501-504. (In Russian).
13. Voloshin, M. *Sud'ba Verkharna* [Verhaeren's Fate]. In: *Voloshin, M. Sobranie sochineniĭ* [Collected Works]. Moscow, Ellis Lack Publ., Vol. 6, Book 1, 2007, pp. 603-611. (In Russian).
14. Voloshin, M. Èmil' Verkharn i Valeriĭ Briusov [Emile Verhaeren and Valery Bryusov] In: *Voloshin, M. Sobranie sochineniĭ* [Collected Works]. Moscow, Ellis Lack Publ., Vol. 6, Book 1, 2007, pp. 153-162. (In Russian).
15. Vygodsky D. *Lebedinaia pesnia Verkharna* [Verhaeren's Swan Song]. In: *Letopis'*, 1917, No. 7/8, pp. 316-318. (In Russian).
16. K-v N. (Klestov-Angarsky N). Verhaeren E. Okrovavlennaia Bel'giia [Bloodied Belgium]. In: *Sovremenny mir*, 1916, No. 2, pp. 165-167. (In Russian).
17. Review of: Verhaeren E. Okrovavlennaia Bel'giia [Bloodied Belgium]. In: *Russkie zapiski*, 1916, No. 3, pp. 319-322. (In Russian).
18. Orbitskiy Yu. *Stikh i proza v rusскоĭ literature* [Verse and Prose in Russian Literature]. Moscow: RSUH Pudl., 2002. 685 p. (In Russian).
19. Orbitskiy Yu. *Svobodnyĭ stikh v teorii i praktike Valerii Briusova* [Free Verse in the Theory and Practice of Valery Bryusov]. In: *Briusovskie chteniia 2013 goda. Sb. stateĭ* [Bryusov Readings of 2013. Collection of Articles], Erevan, Lingva Publ., 2014, pp. 178-195. (In Russian).
20. Èmil' Verkharn: Biobibliogr. ukaz [Emile Verhaeren: Biographical Index]. Comp. M. V. Lindström. Moscow, Kn. Palata Publ., 1988. 206 p. (In Russian).